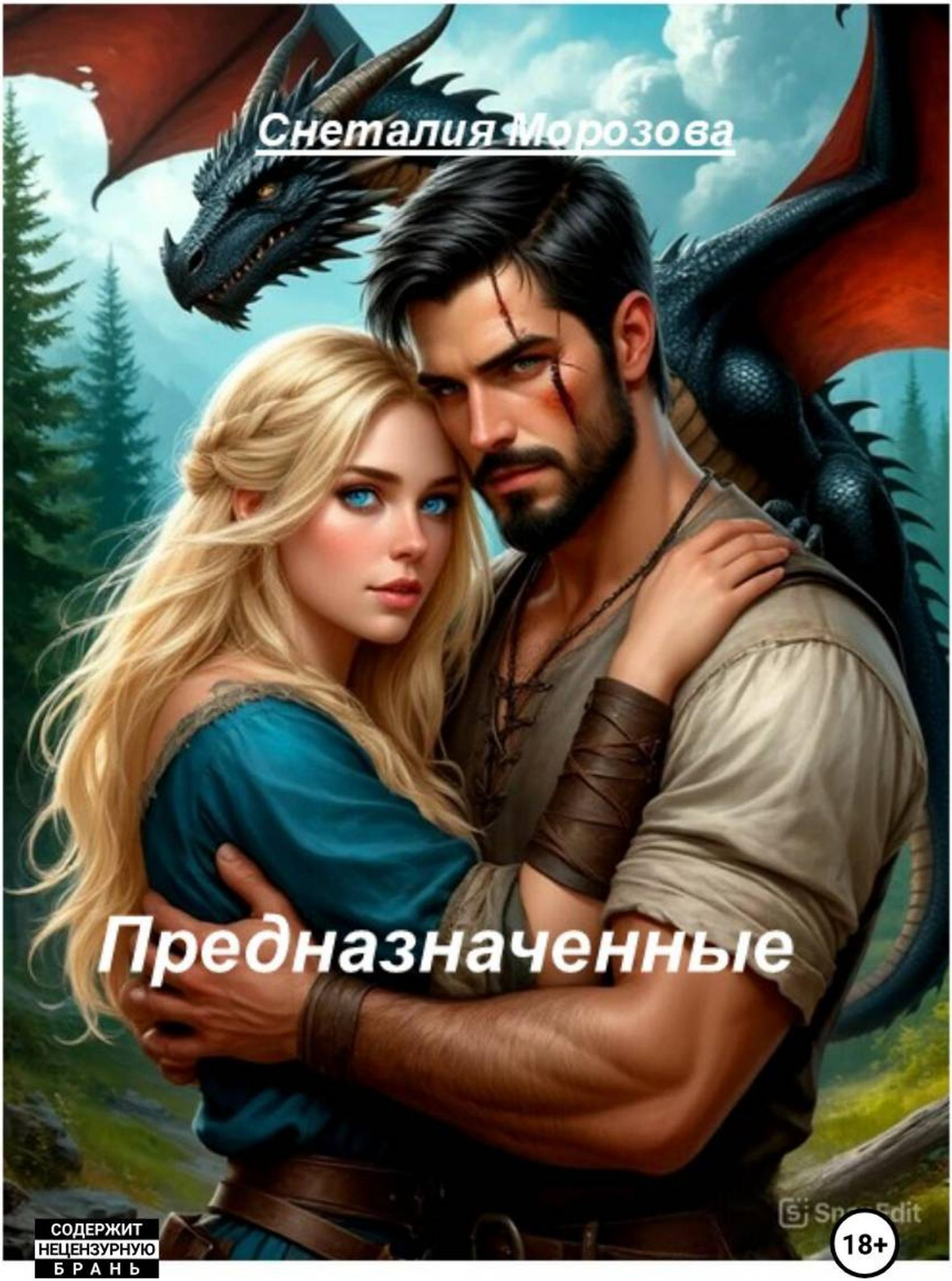

Снеталия Морозова
Предназначенные
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Снеталия Морозова

Предназначенные

«Автор»
2026

Морозова С.

Предназначенные / С. Морозова — «Автор», 2026

Книга о властном мужчине, когда-то обманутом его возлюбленной. Он высокомерный дракон, женщин презирает, и тут появляется у ворот его особняка та, что чуть не убила его, усыпив внутреннего зверя, но это не она, а наша попаданка ЕваЕва и Нимарион пройдут непростой путь к любви. Пожелаем им удачи.У Евы в новом мире окажется два мужа, и это тоже непростое будет для всех решение. В книге много секса, любви, отношений, откровений и озарений!

© Морозова С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 19
Глава 7 24
Глава 8 27
Глава 9 29
Глава 10 32
Глава 11 35
Глава 12 37
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Снеталия Морозова
Предназначенные

Пролог

Лунное предназначение. Это событие случается один раз в тысячу лет, и выпало оно на сегодняшнюю ночь.

В такую ночь, в полнолуние, наступит момент, длящийся всего три минуты, когда небо раскроется, как древняя книга, и каждая строка в ней станет живой силой.

Кто способен почувствовать этот момент - одарится исполнением желания. О наступлении этого момента никто не знает, предугадать и просчитать его невозможно - сама Жизнь решает, когда подарить миру такой шанс.

И вот...небо стало особенным. Оно перестало быть просто чёрным — оно стало бархатным, глубоким, почти осязаемым. Звёзды померкли, как свечи перед факелом, потому что на востоке начала подниматься Она.

Она появилась не резко — она проступала сквозь тонкую дымку облаков, как лицо сквозь вуаль. Сначала — бледный нимб, потом — краешек, и вот уже весь серебряный диск висел над миром, такой огромный, что казалось, будто до него можно дотянуться рукой.

Луна в это полнолуние - не белая. Она переливалась: то перламутровая и голубоватая, то с едва заметными лиловыми прожилками, как трещины на древнем стекле. Её свет не падал на землю — он стекал, как жидкое серебро, обволакивая всё: дома, деревья, лица спящих. Этот свет — не холодный, не мёртвый. Он живой. Он пульсировал, дышал, выискивая тех, где его ждал.

В такую ночь на три минуты обычные вещи становились иными.

Тени переставали быть плоскими, становясь глубокими, как колодцы, и в них можно было разглядеть движения, которые не имели источника. Листья на деревьях издавали мелодию, а вода в водоёмах становилась порталом для тех, кто увидел его.

В эти три минуты время замедлялось. Минуты становились плотными, как мёд, луна не вращала землю — она останавливала её, чтобы позволить всему сущему заглянуть в себя.

И лишь избранные это смогут.

Воздух стал наполненным, в нём не просто витали запахи — в нём жили энергии. Пахло озоном, травами, ночью и чем-то забытым, как сон из детства. Этот воздух можно было пить — он хмельной, тёплый, входил в лёгкие и разливался по телу серебряной дрожью.

И вот момент настал, Луна ожила, грань между мирами стерлась, а свет Луны — превратился в мост.

В эту ночь ведающие чувствовали особую силу: заряжали амулеты, проводили ритуалы.

Живущие смотрели на луну и не могли отвести глаз, чувствуя, как душа просыпалась и тянулась к свету, как цветок.

Лес на три минуты становился живым существом, деревья перешептывались друг с другом, корни пульсировали под землёй, и даже дикие звери выходили на свет, чтобы поклониться ей — не из страха, а из почтения.

Мир стал безграничным, в эти недолгие минуты мысли обрели вес, а каждое чувство — форму.

Настало время, чтобы мечтать, чтобы помнить, чтобы любить.

И в это особенное полнолуние началась великая история для тех, кто смотрел на луну с чистым сердцем. Луна объединила сердца троих, соединяя их пути.

Глава 1

Стая оборотней.

Шаманка вошла в дом вожака, не постучавшись. Она всегда входила без стука — сначала потому, что была старше всех в стае, потом потому, что была нужна всем, а теперь потому, что никто уже не помнил, как это — ждать её позволения.

Ворклиф сидел у очага. Огонь бросал красные отсветы на его лицо — тяжёлое, красивое той грубой красотой, которая с годами становится жёстче, будто вырубленной из камня. Он не поднял глаз. Знал, кто пришёл.

Рувима опустилась на пол у его ног — не из почтения, а потому что стоять долго уже не могла. Закрыла глаза. Дыхание земли текло сквозь неё, как вода сквозь решето: тёплое, живое, полное шёпотов.

— Сегодня будет непростое полнолуние, — сказала она наконец. — Я чувствую дыхание земли.

— Что видишь? — спросил Ворклиф.

Он слушал её перед каждым полнолунием. Так делал его отец, и отец его отца, и первый вожак — тот, при котором Рувима была ещё молодой волчицей с быстрыми лапами и тёмными глазами. С тех пор прошло больше пяти веков. Ворклиф иногда думал: что она помнит из того, чего не помнит никто? И не спрашивал. Некоторые вещи лучше не знать.

— Охота будет славная, — сказала Рувима. — Многие волчицы понесут в эту ночь.

Ворклиф удовлетворённо кивнул. Стае нужны щенки. Стая, в которой не рождаются волчата, — мёртвая стая, она просто ещё не знает об этом.

Шаманка притихла. Ворклиф ждал. Он умел ждать — вожак, который не умеет ждать, долго не правит.

— С этой ночи грядут изменения, альфа.

— Какие?

— Смотря для кого…

— Говори, как есть, — рыкнул он.

Рувима открыла глаза. Они были светло-серые, почти прозрачные — как вода в лесном ручье, в которой видно дно, но невозможно понять, насколько оно глубоко.

— Миру явится Предназначенная.

Ворклиф поднял брови.

— Для кого?

— Не вижу. Но сама Луна благословит союз.

— Может, волчица родится сегодня особенная?

— Я не вижу больше, — сказала Рувима.

Она поднялась с пола — медленно, опираясь на посох, — и, не спрашивая разрешения, поплелась к выходу. У порога задержалась. Подняла нос к небу, втянула воздух, и что-то в её лице изменилось: морщины разгладились, уголки губ поползли вверх. Она фыркнула — тихо, радостно, как молодая волчица, — и вышла.

Ворклиф смотрел ей вслед. Шаманка что-то скрыла. Она всегда что-то скрывала — так уж была устроена: говорила ровно столько, сколько нужно, чтобы услышали, и ни слова больше. Он привык. Но сегодня в её молчании было что-то другое. Не осторожность. Предвкушение.

Вожак подошёл к тайнику в углу комнаты. Нажал на булыжник — тот со скрипом сместился. В щели лежал мешочек с синим порошком. Ворклиф взвесил его в ладони, развязал — аккуратно, стараясь не рассыпать ни грамма, — заглянул внутрь. Синяя пыль слабо мерцала в свете очага, будто в ней были заперты крошечные звёзды. Он вздохнул, крепко завязал мешочек и вернул на место. Булыжник встал на место с глухим стуком.

В это время к своему дому из кузни шёл Терин.

Он шёл медленно. Не потому что устал — разве мог устать альфа, чья сила не знала предела? — а потому что не хотел торопиться. Над лесом поднималась луна: огромная, серебряная, ещё бледная в предзакатном свете, но уже наливающаяся той особенной силой, которую волки чувствуют кожей, костями, кровью. Терин поднимал голову, смотрел на неё — и улыбался.

Он скучал по стае. Не по вожаку, не по законам, которые Ворклиф вывернул наизнанку, — по своим. По тем, с кем бегал щенком, с кем делил добычу, с кем сидел у костра в долгие зимние ночи. Двенадцать лет он жил в лесу один, с матерью, сестрой и женой. Двенадцать лет его волк просыпался каждое утро с тоской, которую не мог заглушить ни огонь кузни, ни запах раскалённого железа.

Терин был изгоем. И это слово жгло его изнутри — ровно, как раскалённый прут, который он держал в руках каждый день.

Двенадцать лет назад дочь Ворклифа - волчица Фенира - захотела вступить в союз с кузнецом Териным – сильным и богатым альфой.

Терин отказал волчице, не по душе она была его волку, да и мужчине тоже. Спесивая, горластая, высокомерная волчица выбирала не по сердцу. Вожак стаи Ворклиф за неповиновение изгнал семью Терина из стаи. Терин жил с матерью и сестрой в лесу.

Волки живут в стаях, там их дом, в случае беды все встают на защиту своего соплеменника – таков закон. Жить изгоем было тяжело, но Терин, молча собрал в тот день свои вещи, а за ним собрали «узлы» и сестра с матерью.

Но Фенире этого было недостаточно. Все понимали, что сильный Терин не пропадет в лесу. Фенира, устроив отцу истерику, вынудила Ворклифа на ещё одно решение. При всей стае за отказ вступить в союз с дочерью вожака, тем самым унизив её, он отдал Терину в жены безногую волчицу Нари. Нари была старше Терина на сорок лет, она не наступала на задние лапы, не развивались задние конечности у волчицы с самого рождения. Она не оборачивалась уже лет тридцать, но хорошо пряла, вязала, готовила. Рувима, держа слезы, благословила союз Терина и Нари на глазах всех волков стаи.

Терин подошел тогда к Нари, наклонился к женщине, что тихо плакала в деревянном кресле.

- Не плачь, Нари, я тебя не обижу.

Он понимал, что сейчас вступать в бой с вожаком – это явный проигрыш, но впервые ему захотелось свергнуть Ворклифа, что правил стаей не по волчьим законам.

- Я не хочу быть тебе обузой, добрый Рин, не хочу, - всхлипывала безногая Нари.

Он поцеловал её в седую макушку, поднял на руки и понес в свой пока ещё дом.

Все охнули. Некоторые смельчаки засмеялись над Фенирой.

Кузнец предпочел безногую волчицу ей. Фенира поджала губы в злобе.

Нари жила отдельно от родителей, передвигалась на деревянной коляске с детства.

- Нари, я попрошу Реви собрать вещи твои, завтра с рассветом мы уйдём в лес.

- А коляска моя, Терин?

- Я сделаю тебе лучше.

Ночью Терина вызвали на разговор оборотни. Терин вышел, не подозревая о подлости. Шестеро волков напали на альфу на крыльце собственного дома по указке Ворклифа, но Терин был силен, он всех уложил и направился в дом к альфе.

Волк громко постучал и крикнул:

- Выходи на бой Ворклиф, но без драконьей пыли, честно бейся со мной, а не подсылай своих псов в мой дом ночью.

- Чтобы завтра тебя здесь не было, - рыкнул вожак, выпуская когти, пробороздив по лицу кузнеца.

Терин сжал кулаки от боли, развернулся и ушёл.

Ворклиф оставил на лице оборотня-кузнеца глубокий шрам.

Ворклиф купил когда-то у дракона "огненную пыль", что обладала сильным смертоносным действием. Но у оборотней регенерация хорошая, особенно, кто наделен силой альфы, шрам затянулся у Терина, но рваный рубец остался навсегда.

Глава 2

Оборотень Терин, сестра его Селира, матушка Вари и жена Нари уже двенадцать лет жили в лесу. Терину было сто тридцать лет, по меркам оборотней – самый расцвет силы зверя.

Терин построил стачала небольшую лачугу. Через несколько дней после его ухода из стаи, к нему тайно прибежали его друзья и сторонники, помогли построить хороший дом. Терин собственными руками возвёл новую кузню и начал всё сначала. Дело пошло. Селира сначала продавала, как и ранее, на рынке изделия брата, а потом на заработанные деньги открыла таверну у окраины леса, перед входом в город.

Часть населения Дарии принадлежало к оборотням-волкам, они занимали лес, часть - маги – они жили в городе.

В этом мире жили ещё драконы.

Маги считались самым многочисленным населением, далее – выше по социальной лестнице - шли оборотни, и, конечно, драконы.

Городом магов правил губернатор маг Падос, он побаивался Ворклифа и всячески ему угождал, стараясь не ссориться с сильными двуликими.

Нари в последние месяцы сильно стала уставать, больше лежала, а вот матушка Терина – Вари, была шустрой и активной волчицей, моложавой и умной. На охоте отца Терина смертельно ранили, пошло заражение и спастись не удалось, волк умер. Терин был в доме за главного с детства.

- Сын, поговорить бы, - встретила мать Терина.

Терин кивнул, они отошли поодаль, чтобы Нари не слышала.

- Слаба она, Рин, силы покидают волчицу.

- Я сам вижу. Мам, разделать надо, - бросил тушку зайца.

Терин умылся, принял душ, что соорудил на улице, вошёл в комнату к Нари.

- Нари, привет, на, держи, ягода пошла, - протянул тарелку с ягодой оборотень своей жене.

- Терин, спасибо тебе. Рин, спасибо тебе за всё, это были лучшие годы моей жизни.

- Нари, прекрати.

- Нет, послушай. Я с детства только и слышала о своем уродстве: отец мать упрекал, что меня не придушила щенком, ведь из всего выводка, а ты знаешь, нас трое волчат родилось, я одна была безногая, брат и сестра здоровыми щенками родились, крепкими. В детстве неимоверный стыд всегда испытывала, даже выйти во двор – смелость мне нужна была знаешь какая - ох, оттачивала её в себе, отец всё говорил: сидеть дома, эти взгляды опущенные, один ты со мной на равных, Рин. Спасибо! За эти годы я и забывала иной раз, что ног у меня нет. Жизнь, Рин, – это не сколько я прожила лет, а то, сколько было в них настоящей жизни. С тобой, с вами - у меня и была настоящая жизнь. С тобой я увидела лес, Рин.

Терин взял её руку, сжал.

- Пойдем на улицу, сегодня полнолуние, посидишь, полюбуешься. Говорят, Луна особенная будет.

Она закивала. Терин поднял свою жену, ногой придвинул кресло, что соорудил ей сразу после лачуги, посадил, поправил подушку за спиной, выкатил во двор.

- Вари, давай, - Нари махнула.

Вари принесла своей снохе спицы и пряжу. Нари была чуть моложе матери мужа. Вари села рядом с Нари и принялась зайца разделывать, что принес сын. Нари, улыбаясь вечернему закатному солнцу, довязывала одеяло.

День близился к завершению, птицы допевали свои песни, ветерок ласкал лицо, Нари запела. Красивая мелодия полилась по двору.

Терин сел за стол, что соорудил во дворе дома, Вари поставила сыну тарелку с похлебкой. Альфа, слушая красивый голос Нари, закатных птиц, улыбнулся маме, подмигивая.

Волчица кивнула, улыбаясь в ответ, соскочила с места и убежала в дом, заревела, не выдержав. За сына своего умного, сильного, благородного, за несправедливость, за жизнь в одиночестве вдали от стаи, слезы катились из глаз матери.

- Мам, слезы твои ни к чему. Дом у нас справный, денег много, ещё немного скопить осталось и куплю у дракона порошок, вызову Фара на бой, верну наш дом, стае верну законы волчьи, - занес в дом тарелку Терин.

Вари кивала, вытирая слезы.

Глава 3

Драконьи горы.

Дарией правил дракон Рикон. Правил уже пять веков.

В Дарии жили пять драконов всего. Одинокие сильные могущественные огненные драконы остались без драконицы, а значит, без возможности продолжить свой век, род, огонь. Жили драконы долго. Дракончики не рождались в союзах, где мужчина и женщина принадлежали к разным ипостасям, выносить дракона могла лишь драконица.

Поговаривали в Дарии, что эпоха драконов заканчивается.

У короля была уже двадцать пятая супруга, и все магессы. Прожив в союзе с одной пару десятков лет, Рикон покупал дом и надел земли своей бывшей жене, обеспечивая её пожизненно, и женился снова. Женщины грезили попасть в жены к королю, с рождения девочек этим вдохновляли, мотивируя осваивать разные науки и следить за собой, считая высшей благодатью – побыть женой монарха.

Трое других драконов занимали важные посты и жили в своих резиденциях в роскоши, имея всё, что угодно.

Пятый дракон, Нимарион, занимался бизнесом, его увлекали камни. Он построил себе огромный замок в горах, мастерскую и лабораторию. Нимарион чувствовал камни, и однажды из синего турмалина он сделал порошок, добавил родового огня, и эта синяя пыль стала убийственной. Жители называли его «синим порошком» или «драконьей пылью». Нанося на когти, раня противника, рана становилась сильно болезненной, иной раз - смертельной. В основном их покупали для наконечников стрел. Этот порошок Нимарион продавал не всякому, ему не хотелось, чтобы он слыл изобретателем смертоносного порошка. Дракон считал себя больше ювелиром, в его арсенале были прекрасные украшения из драгоценных камней, шкатулки, ремни и прочие аксессуары. Камни были его отдушиной. Маг по имени Сторк держал магазин с элитной ювелирной коллекцией от дракона Нимариона.

Нимарион говорил с камнями, умел их слышать, чувствовать, видеть их прошлое. Дракон был богат, жил уже третий век и предпочитал одиночество.

Он хорошо помнил родителей. В один день их не стало, как и многих драконов. Тринадцать драконов были приглашены на званый обед в земли джинов, полетели и исчезли. Не вернулись. Никто. Нимарион в возрасте пятидесяти лет остался один.

Десять лет назад в ворота огромного особняка дракона Нимариона постучалась очаровательная мегесса Лания.

Дракон открыл сам, снисходительно посмотрел на юную магессу, поднимая брови вопросительно. Драконы были очень красивы: высоки, черноволосы, хорошо сложены, но самое удивительное и завораживающее для всех жителей было то, что драконы были голубоглазыми. Этот контраст черных волос, смуглой кожи и голубых глаз добавлял шарм и таинственность драконам.

Магесса подняла глаза, сделав их наивными и невинными, подключила свое обаяние и колоссальное желание попасть к дракону с целью выкрасть порошок.

Лания была очень красива. Черные густые длинные волосы, карие глаза, узкая талия, прямая осанка, как у королевы - она знала о своей красоте и решила соблазнить дракона.

- Уважаемый Нимарион, я могу делать всё по дому, помогать вам, быть тем, кем вы пожелаете, примите меня.

- В доме, как ты выразилась, - усмехнулся дракон, кивнув на свой огромный замок, - наводят порядок, когда я улетаю, не люблю суеты. Ты мне не нужна, магесса.

- Ну, я могу всё, - Лания перекинула прядь волнистых волос через плечо, накручивая на пальчик локон, улыбаясь, флиртуя с мужчиной.

Нимарион посмотрел на лицо девицы, прошелся взглядом по фигуре.

- Смелая?

- Да! – вызывающе и, прямо глядя в глаза мужчине, ответила красавица.

Нимарион пропустил её. Она быстро освоилась, с первой ночи делила с драконом постель, стала даже командовать прислугой, что наводила порядок в замке, когда дракон был на каменных развалах, в лаборатории или мастерской.

Нимариону магесса нравилась с каждым днём больше и больше, зверю лишь была не по вкусу, ну, это и понятно, дракон мог лишь отозваться на пару, чего в мире не существовало уже давно. Даже среди волков не было уже много десятков лет истинности. Но оборотням было проще, в союзе волчица могла понести и не от пары, волк ставил метку, помечая принадлежность и жили себе. Иногда тужил зверь, но привыкал, а с годами вообще не мог обходиться без волчицы своей помеченной. Главное – мужчине и женщине сладить, звери быстрее находили общий язык у оборотней. Истинность – это великий дар. Великий! Да!

Нимарион очаровывался Ланией, она была раскована в постели, позволяла ему делать с телом всё, что мужчина хотел.

В один из дней Нимарион остался дома, чтобы собственными руками сделать для своей возлюбленной качель. Он заказал у кузнеца Терина крепление, выбрал в своем саду крепкое дерево. С помощью драконьего огня дерево красиво обработал, соорудив качель между двумя раскидистыми дубами, представляя на них свою прекрасную Ланию. Нимарион кропотливо и очень вдумчиво делал большую размашистую качель, представляя, как красивая девушка, его возлюбленная, качается, как волосы и платье красиво развеваются от движения, как ножки оголяются от ветра, как любимая смеется от восторга и радости. Это грело мужчину, заставляя руки делать подарок.

Лания лежала обнаженная на груди Нимариона, нежно поглаживая по его соскам, сменяя нежные прикосновения на царапание ноготками, делилась, умело изображая искренность, придуманными мечтами, рассказывая о том, что хочет детей, дружную семью, выставляя себя ещё более прекрасной в глазах мужчины. Зверь молчал, а мужчина влюблялся.

Так ночь за ночью, даря утехи мужчине, Лания узнала о месте, где дракон хранил "огненную пыль".

Нимарион улетел в горы, Лания забралась в тайник, зачерпнула, насыпав себе приличного размера мешок.

За ужином она подсыпала горсть порошка в напиток дракона. Он, не подозревая, осушил бокал, услышал и узнал вкус, понял тут же, вскинул взгляд на девушку.

Она рванула на выход, он догнал её в один миг.

- Почему? – держал за плечи Ланию.

- Я люблю мага, своего мужа, нам нужен порошок. Отпусти меня. Пожалуйста. Прости.

Лания заплакала.

- Тварь! Какая же ты тварь.

Нимарион поднял руку к шее девушки, желая её придушить, покончить с ней тут же, но упал на колени от сильной боли, что сдавила ребра и грудь, парализовало ноги и руки. Мужчина рухнул на пол.

Лания скрылась, довольная собой.

Нимарион очнулся на следующий день. Дракон его не отзывался. Зверь принял на себя яд и уснул. Зверь не погиб. Нимарион бы не очнулся, дракон внутри спал мертвым сном. С тех пор Нимарион не оборачивался, ходил до приисков, привыкая к пешим передвижениям, озлобился, выгнал прислугу, чтобы не мельтешила – все его раздражали, вмиг во всех он стал видеть алчных меркантильных существ. Мужчина жил на первом этаже замка, потому что третий этаж, где находилась спальня, был высоко, и сделан специально так, чтобы влетать в окна.

Он стал мрачнее тучи, отрастил бороду, делал ножи, украшая их камнями, не говорил ни с кем, потому что не слышал камни, только чувствовал их тепло и отзывчивость руками.

Замок со временем зарос, превратившись в дремучий сад. Однажды он среди зарослей увидел веревки на деревьях, вспомнив, как представлял на качелях прекрасную девушку с волосами, что развеваются красиво от ветра.

Нимарион оглядел холл первого этажа. Когда-то красивый замок превратился в хибару: пыль толстым слоем возлежала, как хозяйка, на диване - застиранное постельное белье бесформенной кучей, посуда, что горой стояла на столе, а не была расставлена как прежде заботливыми помощниками, он и в зеркало-то забыл, когда смотрел. А зачем? Зверь спит, мужчина и себя чувствовал спящим, жил словно во сне.

И Нимарион дал объявление, что примет в дом уборщицу за хорошее вознаграждение.

Глава 4

Планета Земля.

Ева Кушнярова вышла на балкон отеля в Нячанге. Женщина была здесь впервые. Она откладывала поездку во Вьетнам, но из всего имеющегося и «горящего» два дня назад – это было самое стоящее.

Ева впервые прилетела одна, вдохнула душного палящего воздуха с примесью моря, увидела гуляющие счастливые пары, и тихо слезы полились по щекам. Её никто не искал уже третий день.

Сын женат, живет с женой Настей, хорошо живут – и слава Богу. У него своя жизнь, ну, так и положено, да. Мама - с сестрой ближе, у них и дача общая, Оля – подруга, наверное, Андрюшку к школе собирает, первое сентября на носу.

Звонок. Ева от неожиданности вздрогнула, шмыгнула носом, глотая слезы.

- Эва, а не оборзела ли ты, а? Я ей уже второй день херачу! Ты где, мать?

- Оля, я тур купила, спонтанно, я в Нячанге, тут круто, мне нравится.

- Где ты?

- Во Вьетнаме.

- Одна?

- Ага.

- Эва!!!! Не манди, ты с кем? Где ты? Видео сними, нет – сейчас же на видео поставь звонок.

Ева нажала на экран и увидела свою неугомонную Олю в домашней футболке и с очень встревоженными глазами.

Ева покрутила телефоном по сторонам.

- Оль, я чёт устала сильно, полтора года без отпуска, отчет за отчетами, перед глазами так и мелькают сметы. Вот, подумала: или сейчас, или не решусь никогда. Одной тоже можно. Написала заявление на отпуск – на удивление Наталья Павловна подписала, даже не сомневаясь, я и рванула, пока она не передумала.

- Эви, я рада за тебя, - тихо сказала подруга, – правда, очень рада.

- Оль, Саша твой осуждает меня, да?

- Не гони! Всегда вы разные были! Ты молодая, красивая. Эви, ты найдешь своего, я знаю, дорогая. Чувствую!

- Оль, я не говорила тебе, как-то выставлять Славу в худшем свете не хотелось, но скажу… сейчас будто самое время. В начале лета это случилось, у меня ноут сел, а мне срочно надо было отправить смету подрядчику, знаешь, я никогда не лазила в его комп, телефон, а он - в мои, ну, необходимости не было, а тут смотрю, он включен, Слава в душе был, и знаешь…

Ева замолчала.

- Эва, говори…, - Оля дала понять, что тут и слушает.

- Там порнуха была… и куча ссылок на порно.

- Ева, ну и что, мужики, все смотрят, наверное.

- Саша твой смотрит?

- Я не знаю, не хочу даже знать, что он втихаря от меня на кого-то дрочит.

- Оль, всё бы ничего, там запросы у Славы были: «Падчерица моет отчима», «Отчим лишает девственности юною падчерицу» …сука, всё в таком духе. А до этого пах и яйца побрил, блять, дебил дебилом, на пузе волосы, ниже – гладко, я чуть не блюванула.

- Вот мудак!

- Оль, у меня руки ходуном заходили, когда увидела ссылки, он в свой велоспорт как стал ходить десять лет назад, пряди осветлил, химию сделал, с этими кудряшками, дурак дураком,

молодиться начал, я видела, кто в велопоходы ходит - молодежь в основном. Девушек много, юные совсем...девчонки прям. Оль, я не только с ним спать, я есть не могу с того дня с ним за одним столом. Даже говорить не хочу с ним, знала - будет оправдываться, убеждать в чем-то. Сначала пойду на компромисс, а потом всё одно – на хер его пошлю или сама пойду.

- Ну, правильно, что развелась, умница. Ты красивая, у тебя всё еще впереди.

Ева вздохнула.

- Спасибо, Оль. Я на ужин пойду сейчас, чек дали на бесплатный ужин, в отеле на последнем этаже ресторан.

- Эви, фотай всё, снимай видео, на массаж сходи, спа, короче, всё бери, трать на себя. Господи, я рада, что ты улетела, что отдыхать решила, решилась уже.

- Оля, мне Паша не звонил, сыновья они такие, что Настя говорит? Как у них?

- Ой, Эви, мне и Настя, думаешь, звонит часто. Сама напрашиваюсь. Нормально у них все, хорошие они у нас.

- Да. Ладно, Ляль, пойду мордэнг приведу в порядок.

Ева подошла к зеркалу. Из отражения смотрела сорокапятилетняя красивая женщина. Белокурое каре, голубые глаза, полная грудь, широкие бедра, животик. Ева не была никогда худышкой, но светлые волосы, красивое лицо, глаза, бархатная кожа делали её красавицей. Она считала себя хорошенькой.

Год назад Павел – её сын и Анастасия – дочь Оли поженились. Дети дружили с детства. А Ева и Оля – со студенческих лет.

Ева вспомнила, когда Паше было девять, к ним пришла заплаканная семилетняя Настя, рассказывая, что теперь все его больше любят, а он всё время плачет. Тогда у Оли и Саши родился Сережка. Когда Сереже было три года, ему поставили страшный диагноз, они с Олей улетели в клинику, лежали там год. А когда вернулись, Сережа уже не показывал признаков активности. Он не двигался, не говорил, даже не глотал. Просто лежал. У ребенка было быстро прогрессирующее нейродегенеративное заболевание, при котором гибли двигательные нейроны. В результате мышцы перестали получать сигналы от мозга, ослабели и атрофировались.

Залюбленная «принцесса» Настя уже с двенадцати лет по утрам перед школой, когда родители уходили на работу, меняла брату памперс, вставляла умело зонд назогастральный в нос для приема пищи, просовывая аккуратно в пищевод без брезгливости, наоборот, с превеликой жалостью и сочувствием. Ей помогал Павел. Сереже не стало в двенадцать лет, Насте тогда девятнадцать было, Паше - двадцать один. На двенадцатилетнего ребенка Сергей совсем не походил, был хрупким и маленьким мальчиком.

Оля с Сашей родили еще Андрюшку. Крепкого, здорового парня. Сколько им пришлось вынести – это не высказать.

Ева помолилась за Олю в очередной раз и попросила прощения у мужа. Два месяца назад, после того, что увидела на странице в его ноутбуке, она подошла к Славе и просто сказала, что подала на развод. Даже поговорить не пыталась, понимая, что это была та самая последняя капля.

Они уже мало, о чем говорили в последние годы, каждый жил сам по себе. Еве было даже не интересно, есть ли у мужа любовница. Славе, похоже, тоже. Его увлекали велосипедные гонки, он пропадал неделями в турах, Ева не разделяла его спорт. Конечно, одни титьки попробуй прокати, еще и на скорость. Она предпочитала пилатес, кулинарию, рукоделие, чтение, мечтала о путешествиях.

А еще в последнее время Ева замечала за собой повышенное либидо, ей хотелось секса, всегда. Она видела мужчин и разглядывала их фигуры, сильные спины, перетекающие в узкий таз, представляя их пенисы и как с ней занимаются любовью. Часто мастурбировала под фантазии свои, где она под сильным крепким мужиком, кончая бурно. С мужем было все не то…

Слава был в шоке от того, что тихая Ева подала на развод, обвинил её в предательстве, подставе и унижении.

Ева вспомнила, что сын ей сказал тогда:

- Мам, вы еще молоды, жить надо в кайф, если не тянет друг к другу, то и..

- Не тянет, сынок, прости, что перебила, не тянет, лошадь сдохла, чего тащить-то…знаешь, с годами либо люди прорастают друг в друга корнями и становятся одним целым, либо отдаляются и становятся чужими. У нас второй вариант.

- Ну, тогда и правильно всё сделали.

Через месяц Слава уже ходил в кино с какой-то барышней, их встретили знакомые общие и Еве типа случайно донесли.

Ева достала из чемодана красивое вечернее шелковое платье-комбинацию кремового цвета, оно ей очень шло, вытащила гладильную доску, а вот утюга в номере не обнаружила. Накинула отельный халат, направилась к ресепшену, у лифта случайно подслушила разговор. Взрослая женщина стояла спиной к Еве, рассматривая какие-то незамысловатые картины на стенах и очень трогательно и душевно говорила по мобильному телефону.

- Мила, да разве можно по такому лить слезы? Он не стоит того, девочка моя. Лучше сходи на фотосессию, я тебе переведу, нет - дед, у меня что-то с интернетом. Милочка моя, люби свою жизнь до безумия, слышишь? Свою. А этот Денчик пусть идёт лесом, не достоин он тебя. Заведи новые знакомства, сделай то, что хотела давно. Ты же хотела блог начать вести, самое время. И если кто-то чего-то скажет или посмеются, пусть. Главное, чтобы жизнь твоя была яркой, живой. Да, пожалуйста, моя любовь. Звони. Устроились, всё хорошо, вот за утюгом поехала. Лифт жду. Тут лестницы нет, мы с дедушкой аж на двадцать втором.

Ева хмыкнула, хихикнув, женщина обернулась. Дамы зашли в лифт.

- Я тоже за утюгом, вам сегодня на ужин от отеля?

- Да, вот прилетели с мужем, хочу выгулять новое платье.

- Хорошие вы слова сказали.

- Дааа. Внучка моя страдает по очередному раздолбаю. Ей шестнадцать. Я вот поздно поняла, даже ощутила физически, что жизнь так быстро пролетела, вот с мужем уволились в один день и живем, как хотим, благо пенсии неплохие. В конце концов мы все уйдем, поэтому только в наших руках сделать свою жизнь самой красивой историей в этом непростом мире. Вы очень красивая.

- Спасибо, вы тоже, хорошего вам отдыха.

- Благодарю, мы с мужем уже третий раз сюда прилетаем.

Ева вышла, пропуская женщину, сама пошла прогуляться по холлу. На вид попутчице в лифте было около семидесяти, Ева подглядывала за ней, осматривая осанку и прическу, чувствуя рой мурашей по телу. Этот спонтанный диалог получился как притча, как напутствие, отзываясь в теле мурашками и учащенным сердцебиением.

Ева накрасилась, наклеила пэстисына соски, чтобы не выделялись под шелком, надела открытое платье. Ужин был превосходный. Музыка красивая, вкусные блюда, оригинальная подача, взгляды мужчин, оценивающие и с восхищением пробегающие по фигуре. Приятно, но в номер Ева пришла одна, а мужчины, как бы они восхищенно не смотрели, со своими женами в свои номера.

Ева приняла душ, надела снова халат отельный, вышла на балкон. Прямо на неё светила луна на черном бархатном небе. Ни одной звезды, лишь луна.

- Мать моя женщина, ты словно на меня смотришь! Огромная какая! Ох!

Ева поразилась размерами ночной красавицы, усаживаясь в плетеное кресло.

Глава 5

Волк Терин вывез Нари на коляске во двор дома к круглому деревянному столу, укрыл её ноги пледом, поставил на стол кружку с ягодным напитком, сам нетерпеливо обернулся и побежал в лес. Луна его словно приглашала, звала, даже не так – манила к себе сегодня. Он хотел побыть с ней...

Дракон Нимарион вышел на крыльцо своего замка, мужчине не спалось. Он проговорил объявление о найме двум гонцам, что разносили весть по всем людным местам: рынку, тавернам, лавкам.

Кто придет в его обитель? Либо нужда приведет, либо смелость. Нимарион не хотел видеть в доме женщин, но его замок приходил в упадок. От отвращения к женщинам, дракон стал жестоким. Это он понимал и сам, но меняться не хотел.

Нимарион поднял голову в небо и охнул, выдыхая шумно. Такую яркую и огромную луну он видел впервые, хотя полнолуний лицезрел уже много-много раз.

Ева глотнула манговый ром со льдом, уставившись на ночное светило. Она долго и неотрывно смотрела на яркий круг. И ей стали видеться сначала какие-то точки на этом прекрасном единственном естественном спутнике Земли, потом пустоты, потом морды, разглядела пенис мужской красивый эрегированный, с ярко очерченной головкой. Захохотала.

- А ты проказница, Луна!

Еве захотелось секса, остро, мужчину горячего, властного и неуёмного. Да так захотелось, что она сжала бедра, чувствуя тянущую тяжесть в промежности и покалывание в сосках.

Нимарион смотрел в черное небо, прищурив глаза, любовался Луной, ощущая боль в сердце от пустоты – он скучал по зверю, по небу, полету, по себе прежнему, по своему делу, где каждый камень отзывался, рассказывая свою историю. Дракон недавно нашел редкую диковину, на ровном месте – по тропе, где ходил не раз - ему попался редкий камень дюмортьерит, он принес его в мастерскую, еще не зная, что сделать из этого синего красавца. Приходил и любовался прожилками и цветом этого минерала, держал в ладони, чувствуя, как камень, вбирая тепло руки, становился живым.

Дракон никогда не реагировал на Луну, а сейчас мужчина встал на крыльцо, поднял голову в небо, глядя в самое сердце светила и произнёс вслух:

- Луна, ты прекрасна! Знаешь, я перестал видеть смысл камней, помоги мне вернуть зверя, небесная красавица. Да, что там камней, я перестал видеть смыслы вообще…Я хочу с кем-нибудь делить своё время. Его так много, оно давит, я хочу разделить его с тем, кто услышит моего дракона, разбудит. Если есть в мирах такая сила, помоги найти её. Помоги! Я с удовольствием отдам половину своей жизни. Я устал…я хочу вдохнуть эту жизнь, обрести смыслы происходящего. Помоги. Прошу.

Сердце бешено заколотилось в груди, он замер на миг, ощущая себя закаменевшим, будто время остановилось на несколько минут. Он не просил любви, но в глубине души мечтал, чтобы его дракона разбудила не магия, а женщина.

Потом выдохнул резко, чувствуя в теле дрожь. Постоял еще несколько минут, низко поклонился Луне, удивляясь такому жесту от себя и пошел в свой холодный пустой замок.

Терин забежал в глубь леса к маленькому озерцу и завыл протяжно на луну, принял облик человека, встал у берега, поднял голову, и сердце защемило от красоты. Состояние восторга, поклонения, и тотальной честности вошло в тело оборотня.

- Луна, спасибо тебе за жизнь, за дело жизни - за огонь и железо, за женщин, что рядом, за дом, за…

Терин осекся, понимая, что слова эти прекрасные шли от головы, словно так надо сказать, сжал кулаки, заглянул внутрь себя, отдался сердцу, душе и зверю, посмотрел на Луну и крикнул:

- Подари мне истинную пару, Луна. Прошу, пожалуйста…

Он не стал описывать, не стал обещать чего-то взамен, просить власти и силы, победы в бою с Ворклифом – в этом он был уверен, он просто сел на колени, прося любви.

Сильный смелый альфа, что был уверен в своем деле, в своем звере, в своих поступках попросил Любви у Луны.

Отсмеявшись, Ева вмиг стала серьезной. За плечами годы прожитой жизни, несовершенная фигура, дряблый животик, морщинки, цистит, сеточки на бедрах варикозные, детство с отцом-алкашом. Маму стало вмиг жалко Еве, вспомнила ту женщину ухоженную у лифта отеля.

«Они же с мамой ровесницы, а мама уже как бабушка, да, а та – женщина, и бабулькой не назовешь её. Так хочется быть любимой, желанной, счастья женского хочется, мужика заботливого, крепкого, настоящего, не нытика и хлюпика, что родителей и правительство обвиняет, а делает сам, решает…».

Ева не хотела жалеть себя, сидя в одиночестве на балконе отеля, наблюдая за гуляющими семьями и парочками разных возрастов, она поверила, что всё ещё возможно. Всё! И жизнь можно сделать, как там сказала та пожилая дама – самой красивой историей! Здорово сказала же!

Ева вспомнила, что давно не мечтала - с самого детства, а ведь она так любила ложиться спать, чтобы именно помечтать, нафантазировать себе самую красивую сказку и себя в главной роли, конечно, любила свои мечты-фантазии.

- Красотка, закрути мою жизнь так, чтобы я полюбила всем сердцем, встретила своего мужчину, чтобы он любил меня. Тебе ж не жалко! Ты можешь, я знаю! Подари мне любовь! Я уже себя знаю, самоутверждаться мне уже не надо, да и не хочется. Тепла хочу, заботы, внимания, любви, ласки…Очень!

Ева почувствовала в теле вибрацию, передернулась, как от озноба, встала, подошла к перилам и замерла, повторяя свои слова ещё раз, глядя в самое сердце Светила. Потом словно провалилась в Луну, как в молоко и вынырнула. Выдохнула.

- Так, видно алкоголь, который я не пью, а сегодня зачем-то выпила, даёт о себе знать и усталость от перелета… что только в голову не зайдет и не померещится, - сказала сама себе женщина, чувствуя странные потряхивания в теле, объясняя это сильным утомлением.

Плюхнулась прямо в халате на кровать с белоснежными простынями и уснула мгновенно, вдыхая запах вкусного цветочного ненавязчивого кондиционера. Ева забыла выключить пауэрбанк, он взорвался и загорелся, сработала мгновенно сигнализация, дверь открыли быстро, но женщине хватило нескольких минут, чтобы задохнуться.

Глава 6

Дария.

Ева Викторовна Кушнярова открыла глаза. Она стояла ночью у огромных кованых черных ворот, чувствуя теплый летний воздух. Огляделась – темнота кромешная, какие-то звуки разносились отовсюду: гуканье гулкое, шорохи. Страшно. Непонятно.

«Я во Вьетнаме. Зачем я вышла из отеля!? Я сплю. Это не похоже на отель, лес будто рядом…».

Перед носом женщина увидела колокольчик, который освещался единственным фонарем. Она позвонила в него. Через несколько минут ворота открыл мужчина. Высокий, глаза голубые, брови недовольно сведены у переносицы, борода длинная черная бесформенная, но видно, что не старый, подтянутый, спортивный. Перекрестил руки на груди, свел брови еще глубже, недовольно оглядывая девушку.

- Только подал объявление, так не терпелось, что ночью прибежала? Летела что ли?

Нимарион усмехнулся своей шутке надменно, зная, что летают лишь драконы, да и те не все, да.

- Так работать хочется у дракона? Деньгами не обижу, лишь бы привела особняк в порядок.

«Я – уборщица? Дракон…Ну и клички. Что за странный сон? Мужик, зачем тебе борода такая? Понимаю, все бороды отрастили - модно, но такую длинную и бесформенную зачем? Может, священник? А злой такой почему?»

Ева подняла голову, вглядываясь в здоровяка, посмотрела за его плечо, на масштабы работы, и тут этот бородач схватил её лицо рукой, стискивая щеки до боли, хмуря брови, кривя в злобе лицо.

- Ты? Тыы? Как посмела ты, тварь, явиться сюда? Я же тебя сейчас придушу одной рукой, Лания. Мерзкая лгунья, усыпила моего зверя, воровка грязная! Паршивая магичка! Живой не уйдешь отсюда, даже закапывать не буду, будешь гнить тут, а вороны клевать твою тушку.

Ева схватилась цепко за руку мужика, затрясла головой по сторонам в ужасе.

- Я не Лания, вы ошиблись! Отпустите меня! Больно! Больнооо мне! Пожалуйста! Отпустите! Я не Лания…

Нимарион не понимал: голос другой, говорит, что не Лания, но очень-очень похожа на магессу. Глаза. Он сначала не поверил, а потом крепче схватился за лицо Евы, поднял высоко её голову за подбородок, направляя на свет от фонаря, грубо хватая, рыкнул зло:

- В глаза смотри мне, магичка!

Ева открыла глаза, полные страха и слез.

Синь озер увидел дракон.

- Как? Кто ты? Лания? Что ты задумала? Магию какую использовала? Тваааарь! Что придумала?

Нимарион переместил руку на шею девушки, сжимая.

- Я Ева, Кушнярова Ева, не Лания, вы ошиба…- хрипела Ева, сватаясь на запястье мужика, еле удерживаясь на носочках.

«Скорее бы проснуться, больно и страшно, как наяву всё», - твердила себе Ева мысленно, цепляясь за руки неадеквата, удерживая своё тело почти на весу.

Вдруг бородач резко и громко выдохнул, будто ему со всего маху врезали под дых, он вмиг разжал руку, выпуская девушку, падая на колени.

Ева рванула прочь в темноту немедля ни секунды, не зная цели, лишь бы подальше от этого места.

Нимарион упал от вздоха зверя внутри. Дракон его вздохнул, пошевелился. Да так резко и сильно, что боль прошибла тело, как при первом обороте.

Нимарион, стоя на коленях, держась за грудь, прослезился от остроты ощущений, поднял голову, вглядываясь, но только и увидел, как капюшон слетел с головы незнакомки, и светлые пряди волос разлетелись от бега.

Он часто моргал, не веря своим глазам. Белокурых женщин в Дарии не было вообще, отродясь. Никогда.

- Стой! – прохрипел дракон. – Стой! Ты принятааа…

Но девушка бежала как ветер: быстро, очень быстро. Невероятно быстро она скрылась в темноте леса и гор.

«Я бегу так быстро! Сон! Только во сне такая скорость! Ног не чувствую, несусь как ветер. Надо проснуться! Ну! Ну! Почему я не могу проснуться? Я думаю во сне? Лес… я вижу в темноте! Деревья мелькают очень быстро, будто я мчусь на машине».

Ева бежала по ночному лесу с одним желанием: убраться подальше от маньяка и найти кого-нибудь человечного, в смысле душевного человека, доброго, нормального, да.

Густой лес стал редеть, затем лишь единичные деревья стали мелькать, и Ева вдалеке увидела огоньки.

Не сбавляя скорости, она бежала на огни, не чувствуя усталости, наоборот, тело ликовало от бега, мышцы испытывали эйфорию от физической нагрузки, словно соскучились по спорту.

«Наверное, дом, да, надо к нему, во сне я как марафонец, даже титьки не мешают, еще и платье на мне длинное и накидка какая-то с капюшоном».

Ева вспомнила, как ей, семикласснице, тринадцатилетней девочке, тренер по художественной гимнастике тихо шепнула на тренировке:

- Евочка, детка, ты гибкая, красивая, но вот грудь тяжеловата, парни так и пялятся, завязывай, на тренировки можешь ходить для души, на сборы не едешь.

Ева тогда не сильно и расстроилась, ей уже самой не нравились адские нагрузки, тело не получало кайфа от спорта, менструация началась, лень появилась, победы так не вдохновляли, она и «для души» не стала ходить.

Огни были всё ближе и ближе. Ева подошла к двухэтажному деревянному дому, что было одно освещено во всей округе, в одном окне на первом этаже и в одном на втором - горел свет.

Женщина оглянулась, выдохнула, вспоминая, как её встретили недавно и постучалась в дверь, решилась на вторую попытку.

Дверь открыл паренёк лет четырнадцати, удивленно уставился на девушку.

- Здравствуйте, мне нужен ночлег, пожалуйста.

Он закрыл дверь перед носом говорившей, не говоря ни слова, исчез.

«Гостеприимные тут все, аж слов нет».

Ева похлопала по карманам, ища телефон, посмотрела только сейчас на одежду. На ней было длинное темное платье из тонкой шерсти, накидка с капюшоном, высунула мысок из-под подола, туфли кожаные на шнуровке с широким устойчивым каблучком.

«Я будто в средние века попала. Не смешно уже, проснусь я или нет в конце концов?»

Женщина вздрогнула от открывшейся двери, на пороге стояла стройная, черноволосая симпатичная девушка в одежде средневековья, так же, как и парнишка, удивленно рассматривая незнакомку.

- Здравствуйте, – начала опять Ева, - мне нужен кров. Я могу делать любую работу, пустите меня, пожалуйста, хотя бы до утра. Денег у меня нет, но я могу отработать: убраться, приготовить ужин.

«Там я проснусь, да…да, никуда не денусь».

- Заходи, ты откуда? – всматриваясь за плечи незнакомки вдаль, тихо, почти шепотом, проговорила брюнетка.

- Я не знаю, вернее я откуда – я знаю, но не знаю, как я очутилась в ваших краях. Я очнулась у ворот замка, открыл бородатый мужик, ему вроде как уборщица нужна, он перепутал меня с какой-то Ланией. Я едва удрала от него.

- Когда? Когда это было? Он вроде вот-вот гонцов прислал.

- Что когда?

- Ты попала к Нимариону когда?

- Вот только что с ним говорила. Еле удрала от него.

- Ты прибежала от него сегодня? Ночью?

- Да.

- От драконьих гор взрослый сильный волк за сутки без отдыха может лишь прибежать, а его замок высоко в горах.

Ева пожала плечами.

- Я быстро бежала.

- Кто ты?

- Меня Ева зовут. Я отдыхаю сейчас в Нячанге. Как я здесь очутилась, сама не знаю. Жесть.

Ева села на деревянную скамью, опуская понуро плечи, понимая, что она в каком-то очень аутентичном кафе, сделанном под старину, вздохнула, почесала лоб.

Девушка рванула к двери, закрывая её на засов.

- Гавик, пасть на замок! Понял? - парень, кивая, глазел на Еву.

- Ева, ты кто? Откуда ты?

- С Земли я, и как сюда попала я не знаю, я уснула, сейчас во сне. Это же сон?

Девушка покачала отрицательно головой.

Ева открыла рот, на глаза набежали слезы отчаяния.

- Как не сон? Не может такого быть, я прилетела отдыхать, у меня дома семья, почти семья, господи. Где я?

- Я волчица Селира, это моя таверна.

Ева забыла, как дышать:

- Почему волчица?

- Ну, родилась я волчицей, - попыталась засмеяться девушка.

- Это что - прикол такой?

- А вот ты кто?

- Да я обычная женщина, самая обычная.

- Да уж нет. Так, ладно, что-то с тобой делать надо. Пошли.

Она встала, Ева поплелась за ней на второй этаж.

Селира открыла дверь:

- Это моя спальня, ляжешь со мной, а утром думать будем. Полнолуние сегодня, я только с охоты, таверна не работает до утра.

Ева скинула капюшон, начала развязывать плащ.

- Луна моя, да кто же ты? Я таких волос отроду не видела, и глаза у тебя, как у драконов.

Она открыла рот, а потом зажала его ладонью.

- Грудь большая, такая у волчиц лишь при кормлении может быть, магессы все худощавые тоже. Ты вся плавная, как Луна. Ты драконица?

Селира вопрос задала так тихо, почти одними губами шевеля, словно догадалась о великой тайне Вселенной.

- Я ничего не знаю, Селира. Я в какой-то жопе. Как проснуться? Как отсюда выбраться? Как я вообще очутилась тут? Почему я понимаю другой язык, свободно на нем говорю? Где я вообще?

Еву стало накрывать осознанием чего-то непоправимого, непонятного, чужого, тело зачесалось всё мгновенно, платье мешать стало, сердце забилось в тревоге.

Селира закрыла шторы.

- Так, ложись, не высовывайся из комнаты, мне подумать надо. Я отлучусь.

- Не оставляй меня, прошу тебя, я боюсь этого бородатого здоровяка.

- Это дракон Нимарион, он одинокий, его редко, кто видит, он живет себе в горах, в насилии не замечен. Подал объявление вчера, что ему служанка нужна.

- Почему дракон? – Ева уже боялась спрашивать, понимая, что чем дальше в лес, как говорится, тем больше загадок.

- Ну, потому что он дракон. Ева, не бойся, тебя Луна сегодня ко мне привела, особенная она сегодня, ты вон - тоже особенная, я сейчас вернусь.

- Так! Луна! Особенная! Я же говорила с ней. Может, она посодействовала. Так, мозги потекут сейчас от всего…

Ева решила успокоиться и действовать по ситуации, по крайней мере Селира ей внушала доверие, особенно в сравнении с недавней встречей с бородатым здоровяком, шея до сих пор помнит хватку, да еще этот взгляд ненависти.

Женщина повесила накидку на спинку стула, прошлась медленно по комнате, осматривая простое скромное убранство, трогая мебель, пытаясь выровнять дыхание и хоть как-то адекватно мыслить в сложившихся реалиях. Шкаф добротный деревянный двустворчатый, кровать двуспальная, столик круглый, стул и кресло – все сделано из дерева. Мебель основательная, красивая, прочная. На стене у входа висело круглое зеркало, Ева подошла к нему, встала, всматриваясь в отражение, теряя окончательно все здравые умозаключения. Из отражения смотрела она, Ева, но не сорока пяти лет, а лет девятнадцати. Такой Ева себя помнила, но лицо миловиднее что ли, глаза миндалевидные, ресницы густые черные, глаза голубые и яркие, будто линзы, губки больше и пухлее, кожа гладкая. Волосы, ебт, таких густых и длинных она не представляла даже. Женщина прошлась взглядом по фигуре, грудь полная, живота нет, подняла платье, глянула на ноги – красивые упругие полные бедра в серых колготах.

- Что блядь происходит? Мамочка ты родная…делать-то что? Что за преображение? Луна, ты что ли мне подсуропила?

Ева смотрелась в отражение, мысли-догадки прыгали в голове, и казались женщине одна нелепей другой. Она трогала своё лицо, всматриваясь в зеркало, утыкаясь в него носом, щипала себя, проверяя и доказывая сама себе, что не спит она, что стала молодой и очень красивой, что всё кругом не похоже на то, как жила она еще вчера, и что она может не вернуться уже домой…

«Так, что я там мечтала на особенную? Так…так…мужика себе…может для меня он только тут и найдется…смешно…ё-мое…так, Ева, спокойно…ну, в той жизни я главное сделала – сына воспитала. Женила…Ма-ма до-ро-га-я….»

Ева начала дышать глубоко и медленно, приводя мысли и чувства хоть в какой-то порядок, постояла немного, подошла к окну, чуть отодвинула штору – темнота, нет – чернота бархатом расстилалась кругом.

Дверь отворилась, Селира вернулась. Ева обрадовалась, ей не хотелось оставаться тут одной, да и новая знакомая вроде прониклась её ситуацией, выглядела доброй и сочувствующей.

- Давай спать, Ева, хоть пару часов. Завтра новый день, с самого раннего уже придут на завтрак, много работы предстоит.

- Я могу помочь, Селира.

- Хорошо.

Несколько минут назад волчица Селира попросила помощника Гавида:

- Гавик, беги в стаю, незаметно, как летучая мышь, сегодня все заняты, ты сможешь проскочить, Рувиму найди, сюда пусть бежит шаманка. Ничего не говори, скажи, что Селира срочно вызывает, нет - незамедлительно. Понял?

Оборотень кивнул, вышел из таверны, обернулся и скрылся в темноте ночи.

Глава 7

Нимарион, отдышавшись, подскочил на ноги, ухватился за грудь, словно желая рукой потрогать своего дракона, что шевельнулся впервые за долгие годы сна. Нимарион понимал, что зверь вдохнул впервые полной грудью, выходя из спячки, но еще слаб, и пробудился он благодаря чему-то, что произошло этой ночью, а точнее – сейчас, а еще точнее – рядом с ней.

Он почему-то отгонял мысли о белокурой девушке, твердя себе, что это Луна поспособствовала, но внутри непривычно остро отзывалось всё: тело, душа – на мысли о незнакомке…

- Я хочу её найти, - говорил сам с собой дракон, вглядываясь в черное небо.

- Зачем? – сам себя спрашивал мужчина.

- Да, кто бы знал, не знаю, но я хочу её найти…Я хочу!

Нимарион резко развернулся и направился решительным шагом в свой особняк. Зайдя в холл, он стал раскидывать вещи, выискивая зеркало.

- Тааак, вот оно, - схватился за основание зеркала и вгляделся в отражение, тут же свел челюсти, отложил, направляясь за столовым ножом.

Раньше он ходил всегда с гладко выбритым лицом, убирая щетину легко и просто – своим огнём. С того дня, как зверь уснул, Нимарион ни разу не брился.

- Я похож на гругача, - разглядывал себя мужчина в отражении, вспоминая самое лохматое существо из сказок, о котором рассказывала мама-драконица в детстве.

Как смог коротко отрезал бороду ножом, волосы просто взял в хвост у основания шеи и отсёк лезвием.

- Гручач и есть, - смотрел на себя Нимарион, видя в зеркале мужчину с неаккуратной короткой бородой, - надо узнать у Сторга, у какого цирюльника он бреется, наведатся.

Нимарион накинул черный плащ с капюшоном и пошел в город магов до дома, где жила Лания.

Десять лет назад, очнувшись после отравления, поняв, что его внутренний зверь - его сильный огненный дракон спит, взяв на себя весь яд драконьей пыли, Нимарион первым делом направился к магессе – убить её.

Он нашел дом магов, уверенно вошел в него, отшвыривая служанку в сторону, и встретился глазами с маленьким мальчиком, лет двух. Малыш играл на ковре в центре комнаты в кубики. В зал вбежали родители, Лания и её муж Густав. Маг схватил ребенка, прижимая к груди. Нимарион понял - маг знал всё.

Дракон сжал кулаки до хруста и боли, свел челюсти и прорычал:

- Чтобы я вас больше никогда не видел в своей жизни, никчемные жалкие воришки, мелкие магишки, вы пыль – не более. Сыну своему скажите спасибо за ваши жизни.

Он поднял взгляд на мегессу, глаза дракона стали от отчаяния и злости темно-синими:

- Глупая лживая тварь…я разочарован…в себе, что не разглядел твоей сути…прощайте.

Нимарион гордо и уверенно покинул их дом.

Он шел к себе с пустым сердцем, с чувством невыносимой грусти, уныния, пустоты, безнадёжности и раздражительности. В этот же день он выгнал всех магов и магесс из своего особняка, лег на кровать и лежал три дня, пока желудок не завопил о голоде…

Вот и сегодня, спустя десять лет, он снова шел в дом к Лании и Густаву. Была еще ночь, но ему было ни по чем, Нимарион хотел выяснить, была ли эта незнакомка Ланией. В душе он надеялся, что это совсем другая девушка, а глаза и волосы – это её - настоящие, а не сделанные с помощью магии преображения.

Нимарион пришел к утру, часть дороги он проскакал на коне, что арендовал в одной из таверен Дарии.

Двери дома были открыты. Стоило коснуться Нимариону двери, чтобы постучаться, створка открылась. Мужчина шагнул внутрь, было темно, горели свечи.

Первое, что встретило дракона, вошедшего в этот дом — тишина. Не та тишина, что бывает в пустых комнатах, а та, которая возникает, когда кто-то перестаёт дышать в том же ритме, что и стены. Тишина густая, тягучая, её можно потрогать руками. Она висела в воздухе, как невидимая вуаль. Тишину знал Нимарион, даже любил по-своему, но эта давила, была тяжелой.

На столе дракон заметил чашку с недопитым и несвежим, в вазе — засохшие цветы.

В холл вошел Густав, лицо мага было мертвецки бледным, даже серым, круги черные под глазами, щетина и заострённые скулы говорили только об одном – в этих стенах горе.

- Пришел позлорадствовать? - не зло, а тихо, даже обреченно спросил маг.

- Что у вас случилось? – громыхнул Нимарион.

- Зачем ты тут?

- Не знаю. Я тут.

- Ну, коль ты тут, простись, она в склепе.

- Кто?

- Лания умерла вчера ночью.

- От чего?

- Твоё изобретение. Зачем изобретать яд, дракон? – тихо, словно сам с собою говорил Густав.

- Я его не изобретал, драконий огонь и камень соединились случайно – сами создали его, я продавал его охотникам. Маги и оборотни сами создали ему такую славу. Что она сделала?

- Ей всегда хотелось быть богатой. Продавала его, всё это время хотела его увеличить, магию свою направляла, переборщила. Не слушалась меня…не слушалась…к тебе, дракон, вот обманом проникла, выкрала, да, я знаю всё, ждал её…выдумщицу мою…всё ей прощал…

- Лишь огонь дракона это может, - уже шепотом произнёс Нимарион.

Нимарион шел на Густавом. В склепе горели свечи, на помосте лежала магесса. Черное лицо и пальцы рук говорили об одном – она отравлена.

- Жаль вашего сына, но он уже подросток, справится, - произнес Нимарион.

В этой жизни дракон уже никому не верил и для достоверности взял Ланию за запястье, рука магессы была холодной. Перед ним лежал труп женщины, которую он когда-то любил, пусть недолго, но любил.

- У нас два сына, младшему три года, они сейчас у моих родителей. И пока дети растут, пока этот дом стоит — она никуда не ушла. Она просто стала невидимой, но от этого — не менее настоящей. Я люблю её не меньше.

Густав заплакал, опускаясь на колени перед трупом, беря в руки подол платья жены.

Нимарион направился на выход, по пути достал из кармана увесистый мешок с золотом, положил у входа семейного склепа магов.

Дракон вышел на воздух, вдохнул полной грудью медленно - выдохнул, ощущая за долгие годы вкус воздуха.

- Где же тебя искать? И кто ты вообще?

Внутри зверь снова вдохнул так, будто вот-вот проснётся. Мужчина ощутил жар внутри в районе сердца, внутри грудной клетки и протяжный вдох зверя перед пробуждением. Нимарион сощурил глаза, улыбаясь в предвкушении скорого пробуждения своего зверя, направляясь прямиком в лавку к магу Сторгу.

Ева лежала на кровати с Селирой, обе не спали, смотрели в потолок, мысли мешали успокоиться.

- Ладно, сон не идет. Что ты умеешь делать по кухне?

Не поворачиваясь в сторону Евы, глядя так же в потолок, спрашивала волчица.

- Селира, я умею готовить. Я всё умею готовить, от супов до десертов.

Волчица повернулась к Еве:

- Ты повариха?

- Нет, я просто земная женщина.

Селира покачала головой в разные стороны, не понимая чужачку, потом подняла нос, нюхая воздух.

- О, быстро они. Я сейчас, сиди тут.

Селира соскочила с кровати, рванула к двери.

- Я сейчас, вставай.

Ева поднялась с кровати, она так и была в платье, Селира тоже не снимала одежду, они легли поверх покрывала обе одетые. Ева села на стул в ожидании.

Через пару минут в дверь вошла Селира, за ней старушка.

Глава 8

Рувима вошла в комнату, и Ева поднялась со стула. Глаза старой мудрой женщины и женщины, что умерла в своем мире, попала в чужой, сама еще не осознавая всего произошедшего, встретились. Взгляды переплелись, они стояли и смотрели друг на друга несколько секунд, потом Рувима слегка наклонила голову, по-доброму улыбнулась, кивнула так, будто была самой родной для Евы и распахнула руки для объятия.

Ева в маленькой щуплой бабушке увидела такую доброту, что не выдержала, заплакала, обнимая совершенно незнакомую старушку, прижимаясь к ней всем телом.

Селира стояла, открыв рот, недоумевая.

Рувима была не просто шаманкой, она была легендой.

Все уважали старую шаманку, она не была вожаком стаи, но, когда она шла по лесу, стая расступалась перед ней, как вода перед камнем, а потом смыкалась за её спиной, чтобы охранять её следы. Она была не хозяйкой волков, а их внутренним голосом — тем, который они слышали в крови ещё до того, как научились выть на луну.

Кто встречал Рувиму впервые, не понимал сразу, кто она. Сначала все видели просто старуху в тёмном плаще из грубой шерсти, с посохом, обмотанным кожаными ремнями. Она казалась частью леса: такой же сухой, морщинистой, как кора старого дуба; такой же гибкой, как ветвь ивы; такой же серебряной, как паутина на рассвете.

Её волосы были белыми, но не цветом седины — они отливали пеплом и лунным светом, как будто она выкрасила их в цвет ночного неба. Она никогда не заплетала их в строгую причёску — они струились по плечам, падали на лицо, скрывая глаза, и в этом была её первая тайна: те, кто не мог заглянуть ей в глаза, никогда не узнают её настоящую. Селира сейчас впервые видела лицо Рувимы полностью открытым, глаза шаманки сияли, глядя на чужестранку.

Глаза — самое страшное и самое прекрасное в шаманке, поэтому Рувима их прятала, не всякому дано смотреть в них и не испугаться. Они были старыми, конечно, но еще в них можно было разглядеть, как умирали и рождались горы. Светло-серые, почти прозрачные, как вода в лесном ручье, в них жила глубина, в которой можно было утонуть. Они не смотрели — они пронизывали. Когда она глядела на оборотня стаи, ей не нужно было спрашивать — она знала: его тайны, его страхи, его прошлое, его смерть. И она никогда не выдавала этого. Она лишь улыбалась — мягко, чуть печально, как будто видела конец всех историй и принимала их без осуждения.

Она всегда говорила негромко, будто разговаривала с самим ветром. Её голос был похож на шум сухой травы, на потрескивание старого костра — хриплый, но тёплый, без строгости, без назидания. Она не учила, она напоминала: о том, что забыли волки, о том, что потеряли. Рувима не покидала стаю никогда, какие бы времена не были, она была её сердцем, верила и знала, что Ворклиф правит подло, но молча служила, зная, что так надо. Надо пройти путь, чтобы понять, надо потерять, чтобы оценить.

Рувима чаще молчала. Молчание было её главным языком. Она часто подолгу сидела у костра, гладя волчат за ушами, слушала голоса земли. Были волки, что понимали её без слов. Они ложились у её ног, и она читала их сны. Иногда она шептала им что-то — и волки вставали, навострив уши, бежали туда, куда она велела, не спрашивая зачем. Она была их памятью, их совестью, их связью с тем миром, который был до человека.

Рувима благоволила семье альфы Терина, видела суть его волка – честного и смелого, благородного и мудрого. Будущего вожака стаи.

Волки принимали её не потому, что она кормила их — она редко приносила мясо, чаще просто сидела в кругу, и стая сама приносила добычу к её ногам, словно делясь с ней самым ценным. До Ворклифа вожак, огромный матёрый волк с одним разорванным ухом, ложился у

её плеча и закрывал глаза, когда она касалась его морды. Он доверял ей так, как не доверял никому — даже своей волчице.

А Ворклиф использовал шаманку, как должное, как то, что должно быть у него по праву статуса, прислушивался к ней, но многое скрывал, поступая не по чести.

Волчата любили Рувиму, они часто сновали вокруг неё, путались в её плаще, кусали за пальцы. Она никогда не отгоняла их. Она понимала: они учатся у неё, как она учится у них — быть терпеливой, быть сильной, быть беззвучной. Когда она перед охотой в полнолуние вставала, благословляя, вся стая поднималась за ней — десятки жёлтых глаз, сверкающих в сумерках, и в каждом — отражение её души.

К Рувиме волки шли за советом. Она жила в маленькой избе на окраине стаи, где лес встречался с полем, и те, кто решался переступить порог, знали: она увидит их насквозь.

Волк или волчица могли войти с улыбкой, с цветами, с подарком, но она уже знала, кто пришел за исцелением, а кто - за прощением. Она видела суть волчью насквозь, но не обличала, не выносила приговор. Она лишь говорила тихо: «Ты пришёл за тем, что уже есть у тебя. Ты просто забыл, где это лежит». И волк уходил, чувствуя странное облегчение, будто она сняла с него груз, даже не коснувшись его.

Но доброта шаманки была не мягкой, не слезливой — она была землистой, как корень, который держит склон горы. Она помогала не потому, что жалела, а потому, что видела в каждом живом существе искру — даже в самом тёмном оборотне. И она знала: искра эта угаснет, если о ней забыть, поэтому она поддувала её дыханием своего молчания, своей мудростью, своим присутствием.

Она никого не судила. Она знала, что каждый — как волк: ищет свою стаю, ищет тепло, ищет смысл. И если ему не хватает смелости, она давала ему эту смелость — через свою улыбку, через свою седую голову, склонённую к его руке.

Иногда, когда солнце садилось, и мир превращался в золотое марево, шаманка уходила в лес. Волки ждали её на поляне, и она садилась в их круг. В руках её появлялась дудочка из берцовой кости, и она начинала играть — не песню, а дыхание земли. Волки поднимали головы и выли, сливаясь с её мелодией. И тогда она знала: она не одна. У неё есть стая. У неё есть лес. У неё есть вечность.

Рувима была душой леса, принявшая человеческую форму. Она была не старше волков, она была старше самого леса.

Рувима ждала перемен с надеждой и волнением, как никогда.

Войдя в комнату на втором этаже таверны волчицы Селиры, увидев прекрасную белокурую девушку со зрелой душой, она тут же поняла, что это и есть Предназначенная Луной.

- Как же скоро я тебя увидела, дитя, - обнимала Еву Рувима.

Шаманка утешала юную девушку со взрослой душой женщины, а Ева растерянно обнимала худую старушку в ответ, чувствуя в ней небывалую теплоту и заботу. Ева чувствовала добро, а это не спутаешь.

- Ты дома, дитя. Всё будет хорошо.

- Я не дома, - плакала Ева.

Рувима хлопала по спине Еву, приземляя её душу, успокаивая своим теплом и силой.

Глава 9

- Рассказывайте, чего такие испуганные-то? Обе причём, - Рувима показала рукой девушкам - присесть за стол.

Селира и Ева молчали.

- Селира, рассвет скоро, придут постояльцы. По утрам много желающих?

- Да, в основном одни и те же. Маги, что идут на целый день на шахту, завтракают и берут с собой на день провизию ещё. Я уже поручила Тише готовить, позже к ней присоединюсь. Гавид пока поможет.

- Ну, говори, чего испуганная такая? Меня Рувимой зовут, а тебя как величать?

- Ева я. Понимаете, Рувима, я уснула в отеле, прилетела отдыхать, а...

- Сама прилетела? – прошептала Селира.

- На самолете, ну, это такое транспортное средство, оно людей перевозит на дальние расстояния.

- Селира, - покачала головой шаманка, давая понять волчице, что перебивать не стоит.

Селира взволнованно положила руки на колени, теребя ткань платья.

- Очнулась ночью у ворот, позвонила в колокольчик, открыл бородатый здоровый мужик, перепутал меня с какой-то Ланией, чуть не задушил, я еле унесла ноги, грозился убить и в саду своём гнить оставить. Побежала, неслась по лесу, увидела огни дома, постучалась, меня Селира приютила. Ну, собственно, все. Я думала, что я во сне. Я что? Домой не попаду уже?

Рувима отрицательно покачала головой.

- Дома кто?

- Сын взрослый, женат уже…да, собственно, там без меня, наверное, справятся все.

Сердце Евы защемило от тоски.

Рувима прикрыла глаза, трогая прядь волос Евы.

- Ещё, я моложе стала, намного, в той жизни я уже взрослая была. Что мне делать? Почему так случилось?

- Луна тебя переместила к нам, здесь твое истинное место, здесь ты найдешь свою судьбу, здесь построишь дом, здесь твое предназначение.

- Я просила луну, да.

- Что просила? – Рувима как-то лукаво улыбнулась, будто знала ответ.

- Любви. Мужчину, - ничего не тая, открыто, как есть, сказала девушка, вздыхая.

- Вот! Тут любовь тебя и настигнет, - шаманка засмеялась хриплым голосом.

А потом Рувима проникновенно посмотрела на Еву, задумалась и произнесла:

- Любовь – всё. А без любви всё – ничто. Без любви умный становится хитрым, а с любовью – мудрым. Без любви честь превращается в высокомерие, а с любовью – в достоинство, без любви справедливость становится жестокостью, а с любовью – умиротворением. А мужчина нужен женщине для того, чтобы она узнала в себе то, что сама не видит. Хорошее ты желание у Луны попросила, хорошее. Любить – это дар и умение сердца видеть.

Ева и Селира жадно смотрели на шаманку, та засмеялась.

- Всё у вас будет, поймете сами, о чем я.

- А мужик бородатый меня убить хочет, почему?

- Вот это не знаю, но узнаю. Я в стаю убегу, чтобы меня не схватились, приду к обеду. Помогай пока Селире, поживи тут. Только голову покрой, подумать надо про волосы твои, да и…

Шаманка наклонила голову, выдернула волос седой длинный, с бус, что висели в несколько рядов на сморщенной шее, сорвала сушеную ягоду, растерла в руках, стала шептать в ладони, крутя содержимое.

- Селира, дай нить, - обратилась Рувима.

Волчица подала шаманке клубок, та завязала шарик, что скатала в ладонях, делая подвеску, на нить.

- Ева, надень на шею, чтобы к телу соприкасалась, пахнешь ты дюже сладко, будто ягоду сочную в мед цветочный опустили. Этот кулон запах вбирает, ты не будешь пахнуть вообще, не найдет тебя дракон. Пока…А там видно будет. Подумать мне надо. К обеду буду. Вода попадет на кулон – бесполезной безделушкой станет.

Рувима поднялась, вышла за дверь тихо. Девушки посмотрели друг на друга.

- Селира, прости, что втянула тебя во всё это, видит Бог, я не знала, что так будет.

- На, это на голову, замотай свои локоны, а то и вправду, аж глаза слепит, кулон надевай, да пошли на кухню, сейчас завалятся мужики. В зал не выходи, хорошо? И глаза по возможности опускай, подождем, что Рувима скажет.

- Конечно! Спасибо тебе.

Ева подошла к Селире со спины и обняла её, утыкаясь девушке между лопаток.

Селира улыбнулась.

Ева завязала платок тугой чалмой на голове, волчица кивнула одобрительно, девушки спустились на первый этаж, прошли в небольшое помещение. Оттуда уже разносились запахи сытной пищи, Селира по-деловому надела фартук, завязала платок, пряча волосы.

- Тиша, это помощница, зовут Ева, принимай.

- А что у помощницы языка своего нет?

- Здравствуйте, Тиша, есть, конечно.

Ева принялась выполнять указания старой опытной волчицы Тиши: резать мясо большими кусками, потом овощи, зелень, хлеб. Она не заметила, как пролетели три часа, они втроем работали слаженно и быстро. Селира сняла фартук, стала выносить порции в зал. Ева погрузилась в мысли, прокручивая всё, что произошло.

«Надо спросить у Селиры, почему они называют себя волками, а того мужика - драконом?»

Ева от усталости села, выгибаясь в пояснице.

- Тиша, Ева, спасибо, пара часов у вас есть, отдыхайте. Гавик обслужит всех. Ева, пошли за мной.

Тиша сняла фартук, вытерла руки, по-деловому расставила приборы на полках, протерла столешницу.

-Тесто поставлю и посплю пару часов, - сказала девушкам и себе волчица.

Селира и Ева поднялись на второй этаж.

- Селира, а Тиша тоже здесь живет?

- Нет, она прибегает перед рассветом, убегает после заката, я ей предлагала жить у меня, но ей в стае лучше. Они с сестрой работают: два дня через два.

- Ааа. Селира, а почему вы волки? Ты же обычная девушка или…?

Селира уставилась на Еву.

- Только не ори, поняла?

- Не буду.

Перед Евой Селира за секунды превратилась в волка, то есть в черную волчицу.

Какое орать, Ева не могла вдохнуть, легкие и горло свело спазмом от шока.

Миг и снова девушка.

Губа нижняя непроизвольно задрожала, Ева рухнула на пол, села, обхватив колени, прижимая к себе.

- Ты оборотень что ли?

- Да. В Дарии живут оборотни-волки, маги и драконы.

- Драконы… прям драконы? – Ева расставила руки, показывая ими объёмный шар.

Селира улыбнулась.

- Прям они, я правда ни разу не видела ни одного в небе. Где уж они летают? Их всего пять, король Дарии – дракон, Рикон Мудрый, ему шестьсот лет.

- А тебе? – Ева задавала вопросы, а ей казалось, что волосы на голове шевелятся от информации.

- Сто десять, еще молодая, а тебе?

- Сорок пять, но выгляжу значительно мо…

- О, совсем девчонка.

Ева сняла платок, пошевелила шеей в разные стороны, мозг с трудом переваривал услышанное, подошла к окну. Селира тем временем открыла шкаф, выискивая платье для Евы, прикидывая фасон, поглядывая на её немаленькую грудь.

Глава 10

Солнце только взошло, открывая новый день Дарии. Нимарион от дома Лании и Густава двигался к магазину Сторга. Дракон видел в воображении лицо незнакомки, теперь уже понимая, что она и Лания совсем не похожи.

Нимарион уверенно шагал по городу магов. Даже без зверя внутри Нимарион был драконом. Это читалось по походке: уверенной и твердой, по осанке, по чуть поднятому подбородку, по осмысленному и внимательному взгляду, по размеренности в движениях, по чинности в действиях. Он шел посередине улицы как король, вернее сказать, как дракон: уверенно, властно, сдержанно и твердо.

Нимарион был выше даже самых высоких магов головы на две, шире в плечах. Он шел, чеканя шаг, всматриваясь в дома, прохожих, улицы.

Маги кланялись, пялились, открыв рты, смотрели вслед, шептались. Драконы редко ходили по улицам, лишь по великой надобности или любопытства ради. Они уединялись высоко в горах, общаясь в своём проверенном и доверенном кругу, необходимое – приносили специально нанятые маги, редко – оборотни.

В ювелирной лавке Сторга Нимарион удовлетворённо осмотрел прилавки со своими изделиями, спросил про цирюльника и место, где вкусно можно поесть.

- Цирюльник - в соседнем доме, он вас примет тут же, господин Нимарион, а позавтракать можно в ресторане у мага Ронга или его брата – это ближе к набережной, можно и на окраине города в таверне, я там ел, очень сытно и вкусно, порции огромные, там волчица заведует кухней.

- Давай таверну, опиши путь.

Цирюльник трясущимися руками побрил дракона, кропотливо делая свою работу, привел в порядок волосы на голове важной и редкой персоны. Нимарион поднялся, поблагодарил мастера кивком, положив пять золотых монет на стол, от чего у цирюльника глаза округлились. Это был его трехмесячный доход.

Нимарион в черных строгих брюках, кожаных черных высоких сапогах, сидящих как влитые на голенищах, черной рубахе, на предплечье - сложенный плащ - направлялся в таверну, что славилась большими порциями и вкусной едой.

В голове Нимарион строил план поиска беглянки.

Ева смотрела в окно, думая о мире, в котором такая продолжительность жизни, разглядывая окрестности. Вдалеке кромка густого леса, оттуда она прибежала ночью, ближе к таверне - дорога, что ведет в город, где живут маги.

«Я уже начинаю привыкать к новой себе и к окружающему…да»

Она покачала головой, вздохнула, потому что пока это сложно было осознать. На дорогу со стороны города вышел красивый высокий мужчина весь в черном, направляясь в таверну. Ева рассматривала его, отмечая высокий рост, уверенность и мужественность. Он остановился возле таверны, осмотрелся и поднял взгляд на окно. Ева вдохнула резко.

Нимарион увидел девушку в окне, чьи белокурые волосы были аккуратно собраны в высокий пучок. Дыхание его сбилось, он, не отрываясь смотрел на прекрасную незнакомку, которую мечтал найти.

Ева, не отводя взгляда от красавца, спросила волчицу:

- Селира, на меня пялится красавчик, наверное, из-за волос, да?

Селира подбежала к окну, глянула, тут же резко дернула на себя Еву за руку.

- Это дракон. Это Нимарион и есть.

- Борода?

- Сбрил, наверное. Долго ли…Таааак…

Селира аккуратно выглянула опять в окно, видя, как уверенным и быстрым шагом дракон шел в таверну.

Волчица сжала руки в кулаки.

- Так. Ева, беги в лес, вон – между двух сосен дорога, туда, там живет мой брат с матерью и женой, они тебя скроют, ты без запаха, там тебя дракон не найдет.

- Как я найду дорогу?

- На, это мой оберег, нам с Рином отец сделал. Скажешь моим, короче, скажешь всё, как есть, они тебя укроют. Хорошие они.

- Как я добегу?

- Ты не простая, верь себе и своему зверю, не перебивай, ты не магесса точно, значит, в тебе есть зверь, доверься, представь себя рекой. Она всегда выйдет к морю, доверься чутью, оно приведет.

Селира схватила Еву за руку, потащила в ванную, там открыла узкое окно.

- Надевай платок! – рыкнула, кидая Еве ткань.

Волчица в это время достала из-под ванны толстую веревку, ловко обвязала за ножку деревянной лохани.

- Лезь. Я или Рувима придем к тебе.

- Когда? – Еву била дрожь.

- Скоро, беги, я дракона чую, сюда идет. Беги! Не бойся!

Ева, торопясь от страха, вскочила на подоконник, ухватилась за веревку, перелезла, и как по канату спустилась вниз, прыгнула и рванула от этого маньяка, что желает её придушить, в лес.

Ева забежала на тропинку между двух сосен и дала строгача в глубь леса.

«Опять бегу от него. Господи, что ему надо, поймет же он наконец-то, что я не та…или не будет разбираться, придушит и всё».

От этих мыслей ноги еще быстрее и чаще отрывались от земли, и деревья замелькали как вихрь.

Нимарион постучался в комнату к Селире, никто не открыл, ещё раз - уже громче и настойчивее.

Волчица спрятала веревку, закрыла окно, выдохнула, поправила всклокоченные пряди, пошла открывать дверь.

В дверном проеме, загораживая весь свет, стоял дракон собственной персоной. Так близко она видела дракона впервые.

Высокий, черноволосый, смуглый, черные брови и густые ресницы создавали контраст с яркими голубыми глазами. Молчаливый и властный возвышался мужчина над Селирой, что была ему по грудь.

- Здесь была девушка, я к ней, - не здороваясь и не представляясь, прошел внутрь комнаты Нимарион, отодвигая волчицу в сторону, небрежно касаясь её тыльной стороной ладони, будто замараться боится.

Селира скрестила руки на груди, приходя в себя и искренне уже злясь на этого высокомерного выскочку.

- Вы в моей таверне, дракон, здесь едят, если хотите перекусить или сытно поесть – к вашим услугам. Никаких девушек в моей комнате нет.

Он бесцеремонно прошелся по комнате, заглянул в ванную.

- Это нарушает правила поведения Дарии. Вы в моем доме, в моей спальне.

Нимарион встал посередине комнаты.

- Я хочу у вас поесть.

- Хорошо. Вас обслужат, на первом этаже.

Он кивнул, пошел на выход.

- Куда она убежала? – пытливо спросил, устремляя свои чертовски красивые глаза на Селиру.

- Я не понимаю вас.

Он сжал челюсти, понимая, что волчица ничего не скажет, пошел вниз.

Глава 11

Ева мчалась во всю прыть, чувствуя лишь, как ноги легко отталкивались от земли, словно пружинили, а деревья мелькали так быстро, как в кино при ускоренной съёмке. Затем девушка стала замедляться, но все же бежала, а спустя некоторое время и вовсе перешла на быстрый шаг. Оглянулась – никого, снова поражаясь своему организму – она даже не запыхалась, а бег был похож на полёт, другого сравнения в мыслях не было.

Ева замедлилась, уже двигалась не спеша, осматриваясь, помня о том, что в этом мире люди могут стать волками за секунды…и не только волками.

Да, сначала Ева отгоняла мысли, что она может, как Селира, принять облик зверя, а потом, остановилась, закрыла глаза и произнесла:

- Если ты есть внутри меня, приведи к брату Селиры, к Терину.

Ева успокоилась и уже шла, внимательно рассматривая летний прекрасный лес, не гоняя мысли туда-сюда, накручивая себя еще больше. В какой-то миг остановилась, прислушиваясь к своим ощущениям, затем стала разглядывать лес.

Девушка вдруг ощутила, что слух стал острее, а зрение - четче.

Ева стала видеть природу, именно - видеть, не просто быть в ней, а её наблюдать.

Девушка посмотрела на деревья. Солнце пробивалось сквозь листву не сплошным потоком, а тысячами золотых нитей, которые дрожали и падали на землю круглыми бликами. Ева стала замечать то, что не видела никогда, вернее - не обращала внимания. Лучи солнца танцевали на мху, на муравьиных тропах, на её руках — и кажется, будто сам свет стал живым, тёплым, почти осязаемым. Она замерла, жадно рассматривая яркую лесную зелень.

Девушка вдохнула лесной воздух медленно и глубоко, чувствуя негу и дыхание, будто внутри есть кто-то еще: более чувствующий, более внимательный, более мудрый.

Ева подняла голову на кроны деревьев, они стояли ровно, величественно, как древние стражи, но в них не было суровой строгости. Девушка подошла к дереву, дотронулась, кора была нагрета солнцем так, словно деревенская печь, которую только что протопили.

Ева прислонилась к дереву животом и грудью, прижала щеку к теплой коре, неуверенно распростерла руки в стороны и обвила ими ствол, замерла. Она осознала, что за сорок пять лет лишь в детстве она могла обнимать деревья, говорить с цветами, и такое забытое теплое чувство разлилось в груди от нежных лучей, что грели плечи, от состояния покоя, что как-то неожиданно поселилось в теле, от понимания, что в этом непонятном чужом мире есть по крайней мере две женщины, которым она небезразлична, которые помогут ей скрыться от дракона.

Ева закрыла глаза - так глубже слышалось и чувствовалось. Лес шумел, но не как весной — с надрывом и ликованием, он пел сыто, спокойно, как человек, который наелся и отдыхал. Голоса птиц звучали вкрадчиво, переливчато, как серебряные колокольчики. Где-то вдалеке стучал дятел — мерно, деловито, будто отбивал такт. Кукушка принялась куковать.

- Один, два, три, четыре, - про себя машинально Ева начала отсчитывать годы.

Но тут же вспомнила рассказ Селиры - сколько живет местный король, да и все жители Дарии.

«Годы, кажется, в этом мире не имеют такого значения, как на Земле».

Ева притихла, глубже ушла в себя, слыша треск кузнечиков, жужжание шмелей, писк комаров, а где-то на вершине дерева уловила шум ветра.

Девушка втянула воздух, чувствуя смолу, которая пахла скипидаром и …детством. Трава, прогретая солнцем, отдавала горьковатым, пряным ароматом, в котором Ева уловила полынь, зверобой и мяту.

Солнце припекало, ей захотелось раздеться, погреться всем телом, ощутить лучи кожей.

Тёплый солнечный летний лес приютил землянку, и Ева почувствовала состояние, в котором душа распрямилась, как цветок. Она снова глубоко вдохнула, понимая, что может тут стоять бесконечно. В эти мгновения Ева сумела забыть о времени, о себе-вчерашней, о прошлом вообще.

Вдруг в бедро что-то толкнулось. Девушка резко встрепенулась, открыла глаза. Рядом с ней стоял черный волк и внимательно смотрел.

Ева тихо пискнула, потому что сил орать почему-то не стало вмиг, она медленно опустилась спиной по стволу, села в траву и закрыла лицо руками. Страх сковал горло.

- Ты кто? Как сюда попала? – приятный женский голос и толчок в плечо.

Ева раздвинула ладони, перед ней стояла женщина, лет сорока пяти, красивая, черноволосая, очень похожа на Селиру, но старше.

- Вы мама Селиры? – в надежде протараторила Ева.

Женщина молчала, внимательно всматриваясь в девушку с небесно-голубыми красивыми глазами и почему в летний погожий день с туго завязанным платком на голове.

- Меня к вам Селира и Рувима отправили, пожалуйста, приютите на день, они должны прийти за мной. Я вас не стесню. Прошу вас.

У волчицы подлетели брови от удивления, услышав имя шаманки стаи.

Ева поддела тонкую цепочку, на которой висел кулон - оберег Селиры – бронзовая круглая печать, как монета, с выбитой волчьей лапой по центру с какими-то надписями по кругу.

- Ваша дочь дала, чтобы вы поверили.

Селира охнула, зная, как её дочь дорожит отцовским подарком.

- Пошли в дом. Зовут тебя как, чужеземка?

- Как вы узнали?

- Другая ты, вижу я.

- Ева, мама и подруга звали «Эви», - почему-то именно сейчас Ева уточнила про имя, которое ей очень нравилось.

Ева шла рядом с мамой Селиры, отмечая удивительное сходство матери и дочери.

Вари своим внутренним волчьим чутьем понимала, что с появлением этой чужеземки с глазами, как у драконов, без запаха, начнутся перемены. Волчица пошевелила носом, словно ища в воздухе уже сейчас что-то новое, пытаясь ещё и ещё уловить запах чужеземки. Она не пахла. Вари несколько минут назад, доверившись своей волчице, прибежала на поляну, где увидела необычную картину: девушка обнимала дерево.

- Почему тебя надо спрятать у нас, расскажешь сыну. Он примет решение.

Ева кивнула. Пройдя некоторое время, женщины вышли на поляну. Еве предстал большой бревенчатый дом. У крыльца Ева увидела женщину в инвалидном деревянном кресле с устойчивыми крупными колесами. Женщина, склонив голову, быстро перебирала спицами, на коленях у неё лежал огромный разноцветный плед, который она довязывала. Женщина будто торопилась, руки быстро-быстро перебирали вязальными иглами.

Нари подняла взгляд, встречаясь глазами с Евой.

- Здравствуйте, я Ева, - девушка кивнула.

- Я Нари.

- Это жена Терина, - уточнила Вари.

Сердце Евы сжалось от неожиданности и жалости. Глаза Нари были невероятно ясные, добрые, приветливые.

- Это можно было не уточнять, Вари, - укоризненно произнесла Нари, неодобрительно посмотрев на волчицу.

Глава 12

Обе женщины резко повернули головы в сторону леса. Ева тоже устремила взор в том же направлении, но никого не увидела.

Через пару минут на поляну вышел огромный черный волк. Женщины приветливо улыбнулись зверю. Ева охнула, заходя за спину Вари. Волк был огромный, размером с коня, иссиня - черный как смоль.

Волк медленно шел, наступая мощными лапами, глядя желтыми глазами на женщин, от этого становилось еще страшнее Еве, ей казалось, что он готовится прыгнуть, выбирая добычу. Зверь подошел к Вари, Ева вцепилась в платье волчицы, крепко сжимая ткань в кулаки, пряча лицо в спину женщины, тяжело дыша, произнося про себя все заклинания и молитвы, что помнила.

«Спаси и сохрани…спаси и сохрани», - стучало в висках и мыслях.

- Ева, ты впервые видишь оборотня? – спросила тихо Нари.

Ева закивала быстро и часто, не меняя положения, так же прячась.

Волк убежал.

Вари развернулась, заглянула в глаза чужеземки:

- Ты расскажешь правду: откуда ты, почему бежишь, а самое главное – от кого.

Ева услышала шаги, подняла взгляд и …пропала.

- Сын, у нас гости.

Ева увидела самого красивого и мужественного мужчину одновременно. Высокий крепкий широкоплечий красавец смотрел на неё, лет тридцати пяти. Темные глаза, черные волосы, на щеке большой шрам, у глаз морщинки от солнца, острые скулы, твердый подбородок, легкая щетина, рубаха с открытым воротом и закатанными по локоть рукавами, подчеркивающая сильное мускулистое тело, предплечья в венах, через плечо и на поясе кожаные ремни – Ева не могла отвести от него глаз.

Она сглотнула и почувствовала во рту вкус абрикоса, спелого, медового, чуть терпкого, невероятно вкусного, Ева шумно глубоко вдохнула и замерла, ощущая в груди невероятное кружение, и весь мир будто закружился вместе с ней, и девушка ощутила странное покалывание в животе, и это тонкая внутренняя дрожь была такая желанная, такая необыкновенная, такая вот-вот впервые ощущаемая. Это было роскошью. Ева почувствовала маленькую теплую слезинку в слезном канале от ощущений в теле, от невыносимой нежности.

- Гхм, - Вари деликатно кашлянула.

Ева словно очнулась, виновато посмотрела на Нари, пряча стыдливо глаза.

«Почему его жена такая пожилая? Бог мой, она же болеет, а болезнь еще никого красивым и молодым не делала. Что со мной? Уставилась на женатого мужика, словно с роду не видела.»

Ева опять подняла взгляд на Нари, извинясь мысленно перед больной волчицей. А Нари - непонятно для Евы - выглядела неимоверно счастливой, улыбалась открыто, даже хихикнула в кулак, вонзая спицы в клубок, сворачивая своё рукоделие.

Вари видела своего сына впервые таким: молчаливым, обдумывающим, немного растерянным.

- Давайте все за стол, в ногах нет чести. Рассказывай, чужеземка.

Терин вскинул взор на мать.

Ева села, Нари стала суетно крутить колеса, Терин взял за ручки коляску, прикатил жену к столу, сел сам, Вари приземлилась рядом с сыном.

Ева, не глядя в глаза Терину, начала рассказ, ища поддержку в глазах его жены, как не странно, да.

- Меня зовут Ева. Я развелась с мужем, понимая, что мы не любим друг друга, мой сын женат на прекрасной девушке, они живут хорошо. Я много работала, не была в отпуске давно, купила путевку и улетела в другую страну. Там, откуда я, люди летают на самолетах, это большой корабль, который может летать в небе. Ночью вышла на балкон в отеле, выпив немного рома, увидела огромную красивую луну и загадала себе любовь.

Ева опустила глаза, уставилась на прожилки деревянного стола, продолжила, рассказывая, понимая, что она именно сейчас прощается с прошлым, пусть сумбурно и невпопад, но, как шло отсердца, да.

- Уснула, а когда очнулась, я оказалась у высоких ворот, позвонила...Я, честно сказать, думала, что сплю, и происходящее мне снится. На звонок вышел мужчина, принял меня за Ланию, он так меня назвал, пригрозился убить, схватился за шею, начал душить, я убежала от него. Добежала до таверны, меня приютила Селира, она дала свой родовой кулон – проводник в ваш дом, пришла Рувима, дала мне еще один кулон, скрывающий мой запах. Я не знаю ничего о вас и вашем мире, Рувима сказала, что к себе я не вернусь. Еще я стала моложе, словно жизнь дала мне второй шанс. Я взрослая в душе, Вари, у меня там, на Земле, взрослый сын.

Ева подняла глаза на Вари, встречаясь глазами прежде всего с матерью. Волчица сидела как вкопанная, слушая то, что и представить даже в фантазиях не могла.

- Я убегаю от этого дракона. Спутав с другой, он угрожал мне. Мне надо тут научиться жить, найти средство дохода, я умею многое. Можно у вас остаться? Пока Рувима не придёт.

Ева подняла глаза, посмотрела на всех. Она успокоилась, понимая, что правду говорить легко.

- Кто ты? – спросила Вари.

- Я обычная женщина, Вари. В моем мире нет оборотней, магов, драконов, о них мы читали только в сказках.

- Ты и Лания действительно похожи, - тихо сказала мать Терина.

Альфа уставился на мать, впервые произнося слова:

- Говори, мам, коль у нас тут стол признаний.

Голос низкий грудной обволакивающий вошел в тело Евы, она не подала вида, что реагирует на него так остро, чувствуя, что внутри, в районе живота полетели они, эти самые бабочки, зажили, закружили вокруг пупка, танцуя, будоража всё тело. Но бабочки были большие, крупные, словно кто-то живой внутри затанцевал.

- Рин, я хотела купить драконью пыль, эта магесса продавала, мне её рекомендовали, но цену она озвучила неподъёмную, я не купила.

- Откуда она интересно взяла? Не подумала? – Терин не грубо, но властно спросил мать.

Вари понимала, что сделала неправильно - не предупредила хозяина дома, явно совершая за спиной то, что сын не ободрил бы.

- Прости, я…

- Мам, я не обижен, я не ожидал. Это разное.

Вари кивнула.

Ева тихо сидела, наблюдая за реакцией членов одной семьи.

- Ева, что еще Рувима сказала тебе? – участливо спросила Нари.

- Что луна меня привела в ваш мир, что мне волосы прятать надо, что я отличаюсь, что я не такая.

Ева не сдержалась, слезы полились из глаз.

- Ну, ты чего? Мы тебя не бросим, милая, - Нари потянулась рукой к Еве, погладила по руке чужеземку, жалея.

Ева схватила руку волчицы, сжала, всхлипывая, кивая, вытирая кулаком слезы, давясь ими, совсем не желая выглядеть жалкой.

Терин еле держал волка, кадык мужчины опустился, шумно сглотнув, он незаметно глубоко вдохнул воздуха побольше и как можно спокойнее сказал:

- Ева, мы рады тебе, ты здесь в безопасности, оставайся у нас, располагайся, Вари – моя матушка, Нари – жена – тебе помогут.

Терин вышел из-за стола, держа волка, который хотел её пожалеть, покатать на себе, потереться о ноги чужеземки. Зверь не чуял её запаха, он каким-то особым чутьем понимал, что эту девушку он будет защищать всегда. Всегда!

- Ева, а с волосами что не так у тебя? – Нари не отставала.

- Я блондинка. А в Дарии, как я понимаю, все брюнеты.

Терин развернулся, не понимая значения слов, уставился на Еву.

Ева стала развязывать платок, Терин, как зачарованный смотрел за движениями девушки. Поток светлых, как само солнце, густых волос упал на плечи и спину девушки.

Терин зарычал утробно, неотрывно глядя на чудо.

Ева подняла на него удивлённый взор своих голубых как рай глаз, он развернулся и быстрым шагом пошел в сторону леса.

Только Терин скрылся из вида женщин, побежал. Мужчина бежал, не оборачиваясь в волка, словно убегая от чувств, что впервые так мощно захлестнули его.

Когда он увидел её у своего дома, мир не просто остановился, он перестал существовать.

Сначала мужчина почувствовал тишину своего зверя. Его волк притих, а потом сдался во власть незнакомки. А когда Терин увидел её, в нем тоже стало сначала внутри тихо-тихо, пропали все звуки, даже шум собственного дыхания. Осталась только она, её образ, который вошел в него быстрее, чем в голову пришла мысль: «какая красивая».

Он не думал — он чувствовал. В груди — резкий, как удар, толчок, будто кто-то изнутри выбил стопор, который держал его сердце годами. Оно начало биться в каком-то новом ритме, таком сильном, что кажется, вот-вот разорвёт рёбра. По телу пробежала дрожь — не от холода, а от разряда молнии, который вошел с её взглядом.

Взгляд. Это самое главное. Она ещё не сказала ни слова, она даже не знала, что он смотрел, но его глаза уже нашли её глаза. И в этом мгновении он услышал зверя: «Она. Моя».

В голову пришла мысль, что он ждал её всю жизнь, что каждый его день, каждая ночь, каждая победа и каждое поражение вели его к этой секунде, к этой встрече.

Он смотрел в её глаза летнего теплого неба, слушая историю, которую она прожила, и которая становилась и его сутью.

Она рассказывала невероятную историю своего появления здесь, и Терин знал – она не лжет, альфы чувствуют изменения в теле, когда говоривший врет. Мужчина разглядывал её, отмечая и запоминая навечно детали: изгиб её губ, тонкие запястья, нежные пальчики и невероятно полную грудь, что волнительными полушариями пряталась под тканью платья. Он запоминал это не умом — он впитывал это каждой клеткой.

В то же время в груди разгоралось острое, почти болезненное чувство: страх. Страх, что она уйдёт, что не примет его – изгоя с искалеченным лицом, что не выберет его – волка без стаи, что этот миг — единственный. И вместе со страхом — ощущение, что он готов умереть прямо сейчас, если это будет цена за то, чтобы сохранить этот образ и быть с ней.

Но зверь вселил мужчине уверенность: «Это Она. Точка».

Кузнец сжимал кулаки, слушая её, давя в себе желание протянуть руку, коснуться, убедиться, что она реальна, посадить на колени, обнять.

Терин понимал, слушая её, что жизнь его изменилась прямо сейчас, разделяя на до и после.

Пробежавшись, выпуская пар, он остановился у дерева и засмеялся громко, запрокидывая голову, осознавая, что не убежишь уже от этого, это уже внутри, понимая, что секунды назад он встретил свою настоящую и единственную любовь, о которой мечтал и просил Луну,

от понимания этого с первого взгляда, осознавая, что он свернёт горы ради неё, а его волк готов лечь у её ног, да что там лечь, лизать её ноги и есть с её рук.

- Вари, она может быть истинной? – спросила шепотом Нари мать Терина.

Волчица пожала плечами, хмуря брови.

- Чего недовольная-то? Рин вон, еле зверя удержал.

Ева сидела между женщинами, слушая их.

- Это меня и пугает, Нари, теперь будет всё по-другому. А Терину надо в стаю вернуться, невовремя всё это.

- Всегда всё вовремя, ты сама это говорила. Не бойся, волчица, мать сильного альфы, и не пугай Еву. Не гневи Луну.

Ева не понимала Нари: жена Терина, на которого Ева пялилась как на последнего мужика всех миров, радовалась её появлению больше всех присутствующих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.